

V.E. Ivenkov

Hope as a Resource for Psychological Well-Being: A Comparative Study of Hope...

Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1): 224-248

DOI 10.31162/2618-9569-2026-19-1-224-248

УДК 159.922.4

Original Paper

Оригинальная статья

Надежда как ресурс психологического благополучия: сравнительное исследование представлений о надежде у православных, мусульман и атеистов

В.Э. Ивенков^{1а}

¹Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4969-0604>, e-mail: vadimivenkov98@gmail.com

Резюме: В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи надежды, религиозной идентичности и психологического благополучия у представителей различных мировоззренческих групп: православных христиан, мусульман и атеистов. В исследовании приняли участие 287 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет (181 женщина и 106 мужчин). Для оценки надежды использовалась шкала надежды Ч. Снайдера в адаптации К. Муздыбаева, для измерения психологического благополучия – шкала К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко, для оценки религиозной идентичности – индекс слияния идентичности с религией (Identity Fusion Index).

Результаты показали наличие значимых различий между группами по уровням диспозиционной надежды и компонентам психологического благополучия. Наибольшие показатели диспозиционной надежды были выявлены у православных, тогда как наивысшие показатели психологического благополучия оказались у мусульман. В группе атеистов наиболее выраженной стала автономия.

Корреляционный анализ выявил специфический характер взаимосвязей между надеждой и психологическим благополучием у мусульман: показатели надежды оказались отрицательно связаны с большинством компонентов благополучия и положительно – с балансом аффекта, тогда как степень слияния идентичности с религией демонстрировала положительные связи с психологическим благополучием. Полученные данные интерпретируются в контексте культурно-религиозных различий в понимании агентности, субъективного контроля и экзистенциальных оснований благополучия. Результаты исследования подтверждают необходимость учета культурно-религиозного контекста при интерпретации психологических конструктов, что подчеркивает ограниченность универсалистских моделей надежды.

Ключевые слова: надежда; психологическое благополучие; религиозность; религиозная идентичность; православие; ислам; атеизм; кросс-культурная психология

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В.Э. Ивенков

Надежда как ресурс психологического благополучия: сравнительное исследование...
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1): 224-248

Для цитирования: Ивенков В.Э. Надежда как ресурс психологического благополучия: сравнительное исследование представлений о надежде у православных, мусульман и атеистов. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(1):224-248. DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-1-224-248

Благодарности: За помощь в проведении исследования на мусульманской выборке автор выражает благодарность Гульфии Юнысовне Хабибуллиной, кандидату педагогических наук, директору Центра развития исламского образования, а также Ахмету Аминовичу Ярлыкапову, кандидату исторических наук, российскому исламоведу, кавказоведу.

За помощь в формировании выборки православных респондентов автор благодарит Оксану Владимировну Куропаткину, религиоведа, кандидата культурологии, доцента Института истории религий и духовной культуры РГГУ, а также Ксению Александровну Гниденко, доцента кафедры социальной работы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидата психологических наук.

Hope as a Resource for Psychological Well-Being: A Comparative Study of Hope Representations among Orthodox Christians, Muslims, and Atheists

V.E. Ivenkov^{1a}

¹Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4969-0604>, e-mail: vadimivenkov98@gmail.com

Abstract: The article presents the results of an empirical study examining the relationships between hope, religious identity, and psychological well-being among representatives of different worldview groups: Orthodox Christians, Muslims, and atheists. The sample consisted of 287 participants between the ages 18 to 65 years (181 women and 106 men). Hope was measured using Snyder's Hope Scale adapted by K. Muzdybaev, psychological well-being was assessed with Ryff's Psychological Well-Being Scale adapted by T.D. Shevelenkova and T.P. Fesenko, and religious identity was evaluated using the Identity Fusion Index.

The findings revealed significant differences between the groups in levels of dispositional hope and components of psychological well-being. The highest levels of hope were observed among Orthodox participants, whereas Muslims demonstrated the highest overall psychological well-being. Among atheists, autonomy was the most pronounced component.

Correlation analysis within the Muslim group revealed a specific pattern: hope showed significant negative associations with most components of psychological well-being and positive associations with affect balance, whereas religious identity fusion was positively related to psychological well-being. These results are interpreted in the context of cultural and religious differences in conceptions of agency, subjective control, and existential sources of well-being. The findings highlight the importance of considering cultural and religious contexts in psychological research and question the universality of agentic models of hope.

V.E. Ivenkov

Hope as a Resource for Psychological Well-Being: A Comparative Study of Hope...

Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1): 224-248

Keywords: hope; psychological well-being; religiosity; religious identity; Orthodoxy; Islam; atheism; cross-cultural psychology

For citation: Ivenkov V.E. Hope as a Resource for Psychological Well-Being: A Comparative Study of Hope Representations among Orthodox Christians, Muslims, and Atheists. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(1):224–248. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-1-224-248

Acknowledgements: The author expresses sincere gratitude for invaluable assistance in collecting the Muslim sample to Gulfiya Yunusovna Khabibullina, PhD in Pedagogical Sciences, Director of the Center for the Development of Islamic Education, and to Akhmet Aminovich Yarlykapov, PhD in Historical Sciences, Russian Islamic scholar and Caucasus studies specialist.

The author also extends gratitude for assistance in forming the Orthodox Christian sample to Oksana Vladimirovna Kuropatkina, scholar of religion, PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Institute for the History of Religions and Spiritual Culture, Russian State University for the Humanities, and Kseniya Aleksandrovna Gnidenko, Associate Professor at the Department of Social Work, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, PhD in Psychological Sciences.

Введение

Надежда занимает одно из центральных мест в психологической науке и рассматривается в связи с мотивацией, эмоциональным благополучием и стратегиями совладания со стрессом. В психологии существуют разные подходы к её определению. Например, Мартин Селигман, представитель позитивной психологии, рассматривает надежду как важнейший компонент психологического благополучия и одну из базовых «сильных сторон» личности, способствующих ощущению счастья и достижению жизненного успеха [1].

Американский психолог Чарльз Снайдер в рамках разработанной им «теории надежды» трактовал надежду как когнитивный процесс, позволяющий человеку достигать поставленных целей, преодолевать трудности и повышать качество жизни. Согласно его подходу, надежда представляет собой сочетание целенаправленности (способности формулировать цели) и стратегического мышления (умения находить пути их достижения).

Снайдер определял надежду как позитивное мотивационное состояние, основанное на взаимодействии трёх ключевых компонентов:

- 1) **цели** – направленность на достижение конкретных и значимых результатов;
- 2) **пути** – когнитивная способность находить различные способы достижения цели даже при возникновении препятствий;
- 3) **агентность** – мотивационная энергия, поддерживающая движение к цели [2].

В экзистенциальной психологии американский психолог Ролло Мэй рассматривал надежду в противопоставлении экзистенциальной тревоге. Он отмечал, что надежда является необходимым условием преодоления страха смерти и обретения смысла

В.Э. Ивенков

Надежда как ресурс психологического благополучия: сравнительное исследование...
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1): 224-248

жизни. Мэй считал, что осознание конечности человеческого существования и страх смерти неизбежны и являются основополагающим аспектом человеческого бытия. Однако вместо подавления или избегания этого страха он предлагал рассматривать его как стимул к личностному росту и поиску смысла [3]. В этом процессе надежда играет ключевую роль, поскольку она дает силы человеку противостоять экзистенциальной тревоге и находить ценность жизни, несмотря на её конечность.

Один из основателей гуманистической психологии Карл Роджерс рассматривал надежду как важнейший фактор личностного роста и самоактуализации. Его понимание надежды тесно связано с теорией личности и терапевтическим подходом, получившим название личностно ориентированная терапия. Роджерс подчеркивал, что надежда поддерживает раскрытие человеческого потенциала и способствует движению человека к личностной зрелости и развитию [4].

В религиозных культурах надежда дополнительно приобретает духовный смысл. В частности, в исламской традиции надежда (раджа') тесно связана с доверием к Богу (таваккуль), терпением (сабр) и благодарностью (шукр) [5]. Эти ценности дают верующим психологический ресурс для преодоления различных жизненных невзгод и трудностей, что может повышать их субъективное благополучие [5].

Также в Исламском энциклопедическом словаре подчеркивается, что вера мусульманина должна находиться между страхом Божественного наказания и надеждой (раджа') на милосердие Всевышнего [6]. Это подталкивает верующего на совершение добрых дел и в общем к активной жизненной позиции, а не просто делает из него пассивного наблюдателя.

В Коране неоднократно подчеркивается милосердие Аллаха, что формирует у верующих чувство надежды и доверия к Творцу. Так, в Коране (сура «Аз-Зумар», 39:53) говорится: «Скажи: “О рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине, Аллах прощает грехи полностью: ведь Он – прощающий, милостивый!”» [7].

Таким образом, об этом отчасти было сказано выше, надежда в исламе понимается не как пассивное ожидание милости, а как деятельная духовная установка, которая напрямую реализуется в религиозной практике. Она выражается прежде всего в обращении к Всевышнему, которое принимает различные формы. Среди них на первенствующее место выходят обязательная молитва (намаз, саят) и личная мольба (ду'а). Эти духовные практики отражают личное восприятие религиозной надежды верующего и могут способствовать укреплению психологического благополучия, повышая чувство внутреннего комфорта, уверенности и устойчивости перед жизненными трудностями.

В православной традиции надежда занимает ключевое место, являясь одной из трех главных христианских добродетелей. Обращаясь к тексту Послания апостола Павла к Коринфянам, можно увидеть, что она включена в триаду добродетелей и располагается между верой и любовью: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, лю-

бовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13) [8]. Таким образом, уже с первых веков существования христианства верящие в Иисуса осмыслили надежду как неотъемлемый элемент духовной жизни христианина. Также стоит отметить, что в христианском понимании надежда ориентирована на обретение спасения и вхождение в Царствие Божие, что особенно подчеркивает апостол Павел: «Ибо мы спасены в надежде» (Рим. 8:24) [8].

В православном понимании надежда проявляется и в уверенности, что Бог незримо присутствует рядом с человеком даже в самых трудных жизненных обстоятельствах. Это убеждение находит выражение в главной христианской молитве – «Отче наш», где слова «Да будет воля Твоя» передают упование на благой Промысл Творца. Другими словами, верующие демонстрируют свою веру в Божественное водительство и упование на то, что Господь ведет их ко благу, даже если на определенных этапах жизни Промысл остается непостижимым.

Одно из наиболее выразительных высказываний о значении надежды принадлежит преподобному Силуану Афонскому. Размышляя о пути спасения, он писал: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся» [9]. Эти слова передают духовный опыт преодоления отчаяния через смирение и упование на Бога. В святоотеческой православной традиции подчеркивается, что человек, несмотря на его поврежденную природу и греховность, не должен утрачивать надежду на милость Божию. Такое соединение страха Божия и доверия Его любви рассматривается как важнейшее условие духовного преобразования и достижения Царствия Небесного.

Таким образом, в православной традиции надежда понимается не как ожидание земного благополучия или получения материальных благ, а как упование на Бога и Его милость. Она выступает внутренней духовной опорой, позволяющей верующему преодолевать жизненные трудности, противостоять отчаянию, бороться с грехом и собственной порежденной природой. Кроме того, надежда дает перспективу спасения и наследования вечной жизни, придавая смысл испытаниям и усилиям человека. В этом контексте она предстает не пассивным ожиданием будущего блага, а активной духовной позицией, выражающейся в доверии Богу, нравственном усилии и стремлении к преобразению личности. Подобное понимание надежды может способствовать психологическому благополучию верующего, поскольку укрепляет чувство смысла жизни, повышает устойчивость к стрессу, снижает уровень экзистенциальной тревоги и поддерживает внутреннюю целостность личности.

Однако стоит подчеркнуть, что сравнение влияния религии на психологическое благополучие неоднозначно. Некоторые исследования указывают на позитивную связь религиозности с психическим здоровьем (через социальную поддержку, смыслы и пр.) [5], другие говорят о рисках из-за дискриминации или стресса у религиозных меньшинств [10]. Например, в европейских выборках отмечено, что некоторые группы мусульман (пакистанцы, бангладешцы) имеют более низкие показатели субъективного благополучия в сравнении с нерелигиозными [10], вероятно, из-за социального дав-

ления. Тем не менее в целом исследователи признают, что высокое внутреннее религиозное убеждение часто коррелирует с лучшим благополучием [5].

Таким образом, в современной психологии религиозность рассматривается как значимый личный ресурс, способный оказывать влияние на психологическое благополучие человека [5]. Как отмечалось выше, исследования показывают, что религиозная вера способствует формированию устойчивой системы смыслов, укреплению социальных связей и развитию эффективных стратегий совладания со стрессом.

В контексте настоящего исследования религиозность рассматривается как фактор, способный усиливать психологическое благополучие через формирование надежды, жизненных смыслов и устойчивости к стрессу. Предполагается, что у представителей религиозных групп (православных христиан и мусульман) показатели психологического благополучия статистически значимо будут выше по сравнению с показателями у представителей атеистической группы.

Материалы и методы эмпирического исследования

Процедура

В исследовании приняли участие 287 человек, среди которых 181 женщина (63,1%) и 106 мужчин (36,9%). Средний возраст респондентов составил $36,33 \pm 14,3$ лет. По вероисповеданию респонденты представлены следующим образом: православные – 133 человека (46,3%); мусульмане – 61 человек (21,3%); атеисты – 93 (32,4%).

Использовались стандартизированные опросники: шкала надежды Ч. Снайдера (адаптация К. Муздыбаева) [11] и шкала психологического благополучия Риффа (адаптация Шевеленковой и Фесенко) [12], а также Шкала слияния идентичности с религией (Identity Fusion Index) (Gómez, Á. Seyle, D. C.) [13].

Далее приведем анализ результатов каждого опроса.

В таблице (таблица 1) ниже представлены основные статистические данные для православных, мусульман и атеистов.

Таблица 1. / Table 1

Шкала надежды Ч. Снайдера (Адаптация К. Муздыбаев (1999)) The Hope Scale by Charles Snyder (Adapted by K. Muzdybaev (1999))

Вероисповедание		Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Сила воли	Православие	8,78	2,072	9,00	4	14
	Ислам	7,92	2,297	8,00	4	16
	Атеизм	8,74	2,359	8,00	4	15
	Всего	8,59	2,236	8,00	4	16

Способность находить пути	Православие	7,95	1,965	8,00	4	15
	Ислам	7,25	2,063	7,00	4	13
	Атеизм	7,52	2,301	7,00	4	14
	Всего	7,66	2,112	8,00	4	15
Шкала диспозиционной надежды	Православие	16,74	3,593	16,00	9	27
	Ислам	15,16	3,899	15,00	8	27
	Атеизм	16,26	4,154	16,00	9	28
	Всего	16,25	3,881	16,00	8	28

На основе представленных данных в таблице методики Шкала надежды Ч. Снайдера можно сделать следующие выводы по шкалам.

Сила воли – у православных значение показателя выше ($8,78 \pm 2,07$), чем у атеистов ($8,74 \pm 2,36$) и исповедующих ислам ($7,92 \pm 2,30$).

Способность находить пути – у православных значение показателя выше ($7,95 \pm 1,97$), чем у атеистов ($7,52 \pm 2,30$) и исповедующих ислам ($7,25 \pm 2,06$).

Шкала диспозиционной надежды – у православных значение показателя выше ($16,74 \pm 3,59$), чем у атеистов ($16,26 \pm 4,15$) и исповедующих ислам ($15,16 \pm 3,90$).

Рис. 1. Шкала надежды Ч. Снайдера

Fig. 1. Charles Snyder's Hope Scale

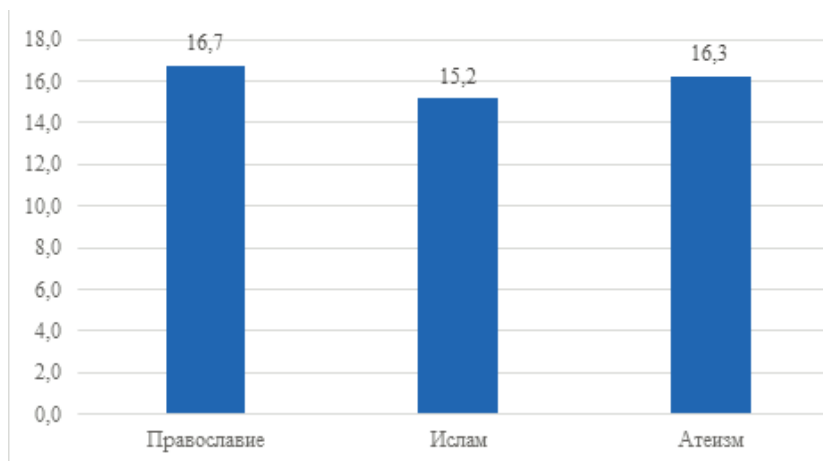

Рис. 2. Шкала диспозиционной надежды
Fig. 2. Dispositional Hope Scale

В таблице ниже (таблица 2) представлены основные статистические данные для православных, мусульман и атеистов.

Таблица 2. / Table 2

**Шкала благополучия Рифф (адаптация Шевеленковой и Фесенко, 2011)
Ryff's Well-Being Scale (adapted by Shevelenkova and Fesenko, 2011)**

Вероисповедание		Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Позитивные отношения	Православие	58,02	9,574	57,00	35	82
	Ислам	60,87	10,399	61,00	30	82
	Атеизм	55,41	11,065	54,00	26	80
	Всего	57,78	10,405	57,00	26	82
Автономия	Православие	55,02	8,718	54,00	31	75
	Ислам	57,18	9,619	57,00	39	82
	Атеизм	60,51	7,439	60,00	42	77
	Всего	57,25	8,835	57,00	31	82
Управленческие средой	Православие	54,08	9,065	55,00	24	73
	Ислам	58,48	9,305	59,00	34	83
	Атеизм	55,49	10,845	56,00	26	84
	Всего	55,47	9,836	57,00	24	84

Личност- ный рост	Православие	60,58	7,498	60,00	42	78
	Ислам	65,92	7,356	65,00	47	84
	Атеизм	62,88	8,883	62,00	41	81
	Всего	62,46	8,181	62,00	41	84
Цели жизни	Православие	59,56	8,002	61,00	36	80
	Ислам	64,07	8,388	65,00	38	84
	Атеизм	58,19	11,167	59,00	31	84
	Всего	60,08	9,439	61,00	31	84
Самопри- нятие	Православие	53,20	10,139	54,00	21	81
	Ислам	56,51	9,787	57,00	27	82
	Атеизм	54,46	13,040	56,00	17	81
	Всего	54,31	11,129	55,00	17	82
Психологи- ческое бла- гополучие	Православие	340,46	39,344	344,00	238	440
	Ислам	363,02	41,188	366,00	258	478
	Атеизм	346,95	49,290	353,00	205	464
	Всего	347,36	43,890	351,00	205	478
Баланс аф- фекта	Православие	99,30	18,122	99,00	58	148
	Ислам	90,97	19,059	88,00	41	146
	Атеизм	98,04	21,162	97,00	40	159
	Всего	97,12	19,555	96,00	40	159
Осмыслен- ность жиз- ни	Православие	92,21	11,764	94,00	57	116
	Ислам	100,13	11,612	102,00	65	128
	Атеизм	91,39	15,561	92,00	51	127
	Всего	93,63	13,478	95,00	51	128
Человек как откры- тая система	Православие	63,35	6,201	63,00	49	79
	Ислам	66,26	7,266	67,00	40	82
	Атеизм	62,45	7,689	62,00	43	82
	Всего	63,68	7,057	64,00	40	82

На основе представленных данных в таблице методики Шкала благополучия Риффа можно сделать следующие выводы по шкалам.

Позитивные отношения – у исповедующих ислам значение показателя выше ($60,87 \pm 10,40$), чем у православных ($58,02 \pm 9,57$) и атеистов ($55,41 \pm 11,07$).

Автономия – у атеистов значение показателя выше ($60,51 \pm 7,44$), чем у исповедующих ислам ($57,18 \pm 9,62$) и православных ($55,02 \pm 8,72$).

Управление средой – у исповедующих ислам значение показателя выше ($58,48 \pm 9,31$), чем у атеистов ($55,49 \pm 10,85$) и православных ($54,08 \pm 9,07$).

Личностный рост – у исповедующих ислам значение показателя выше ($65,92 \pm 7,36$), чем у атеистов ($62,88 \pm 8,88$) и православных ($60,58 \pm 7,50$).

Цели в жизни – у исповедующих ислам значение показателя выше ($64,07 \pm 8,39$), чем у православных ($59,56 \pm 8,00$) и атеистов ($58,19 \pm 11,17$).

Самопринятие – у исповедующих ислам значение показателя выше ($56,51 \pm 9,79$), чем у атеистов ($54,46 \pm 13,04$) и православных ($53,20 \pm 10,14$).

Психологическое благополучие – у исповедующих ислам значение показателя выше ($363,02 \pm 41,19$), чем у атеистов ($346,95 \pm 49,29$) и православных ($340,46 \pm 39,34$).

Баланс аффекта – у православных значение показателя выше ($99,30 \pm 18,12$), чем у атеистов ($98,04 \pm 21,16$) и исповедующих ислам ($90,97 \pm 19,06$).

Осмысленность жизни – у исповедующих ислам значение показателя выше ($100,13 \pm 11,61$), чем у православных ($92,21 \pm 11,76$) и атеистов ($91,39 \pm 15,56$).

Человек как открытая система – у исповедующих ислам значение показателя выше ($66,26 \pm 7,27$), чем у православных ($63,35 \pm 6,20$) и атеистов ($62,45 \pm 7,69$).

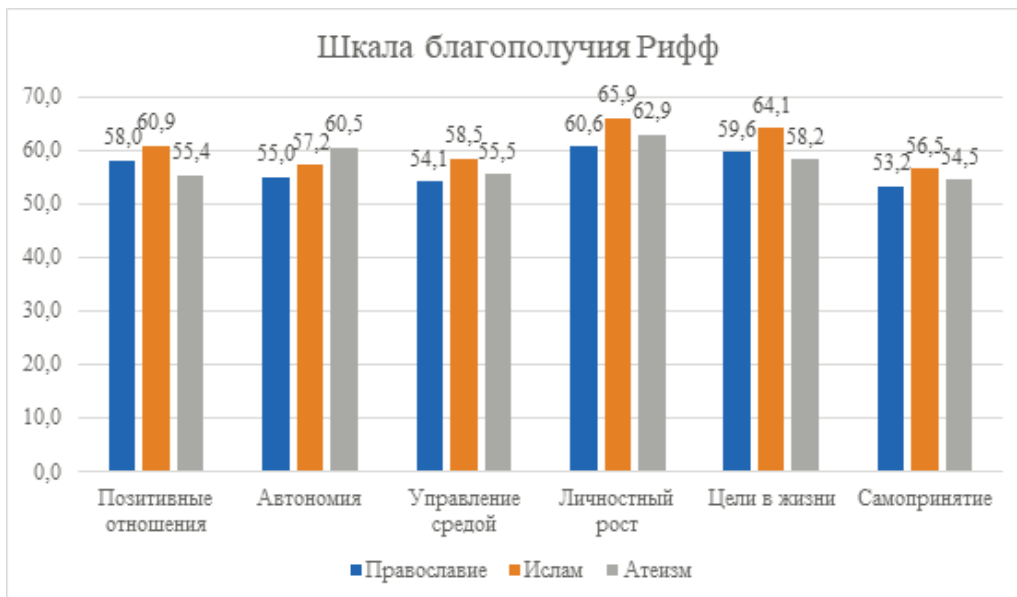

Рис. 3. Шкала благополучия Рифф

Fig. 3. Ryff's Well-Being Scale

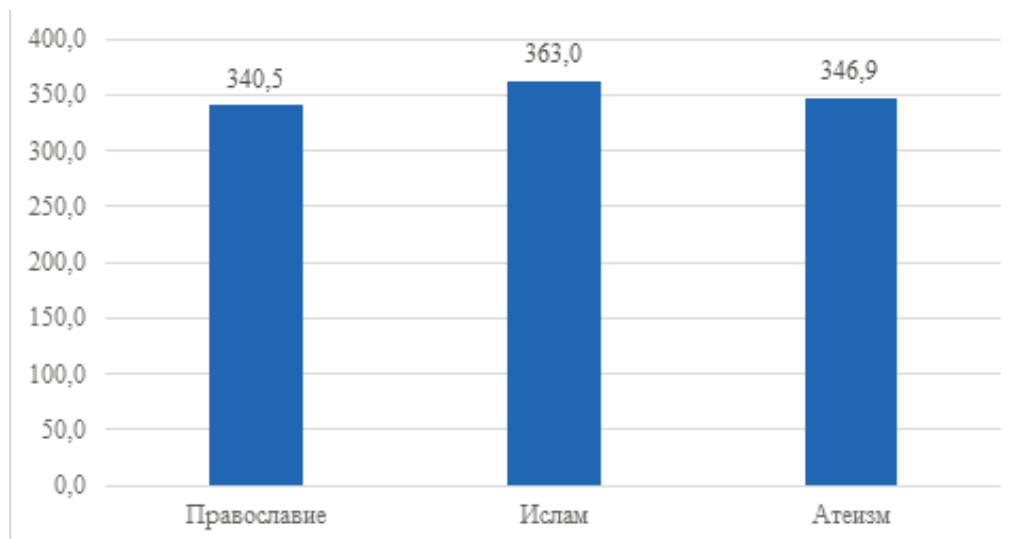

Рис. 4. Психологическое благополучие
Fig. 4. Psychological well-being

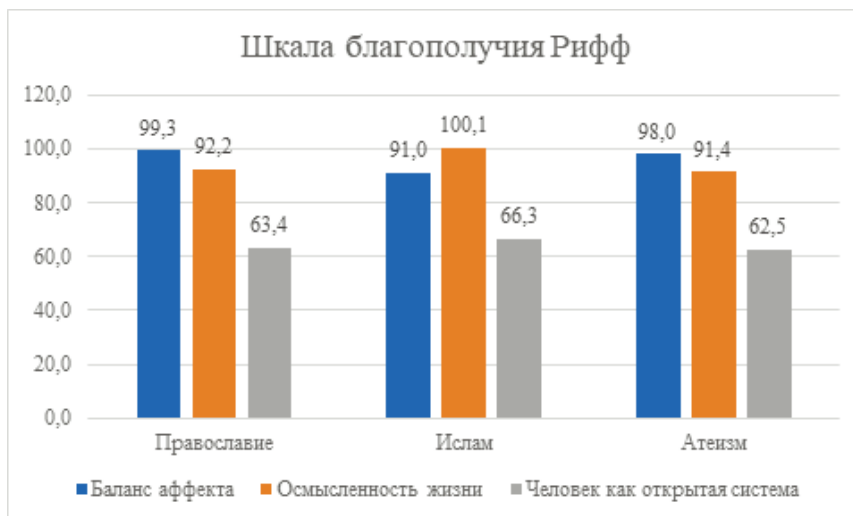

Рис. 5. Шкала благополучия Рифф
Fig. 5. Ryff's Well-Being Scale

Результаты по данной методике рассмотрим отдельно по вероисповеданию.

Таблица 3. / Table 3

Индекс слияния с религией: православные
Religious Fusion Index: Orthodox

	Частота	Проценты
1	10	7,5
2	10	7,5
3	26	19,5
4	41	30,8
5	46	34,6
Всего	133	100,0

Рассмотрим результаты по шкале слияния идентичности с религией в виде столбчатой диаграммы:

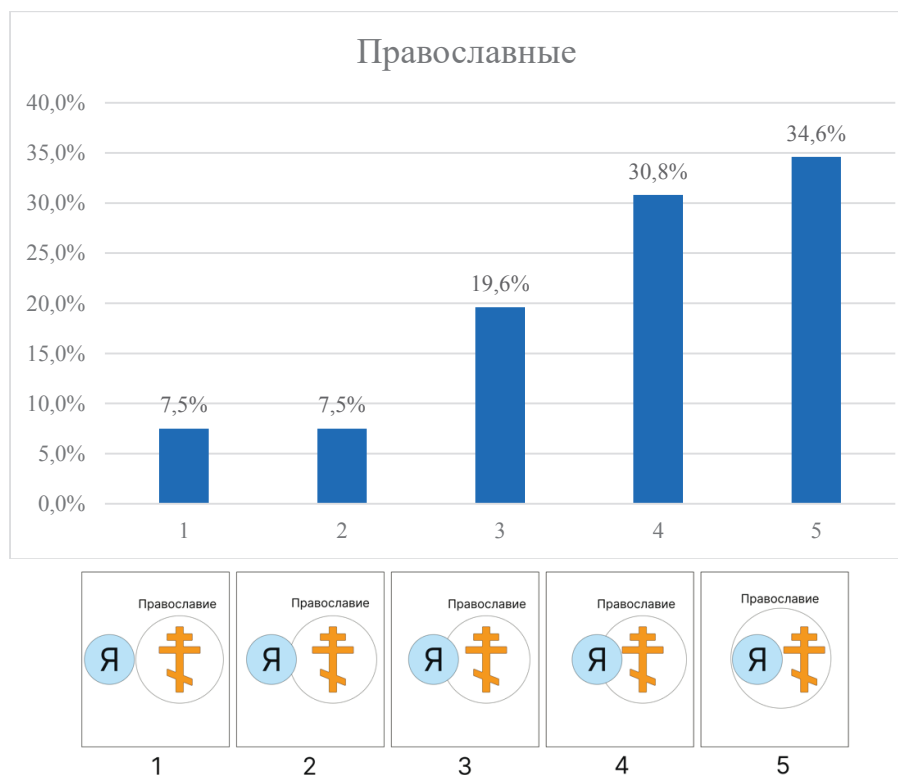

Рис. 6. Индекс слияния с религией: православные

Fig. 6. Religious Fusion Index: Orthodox

На диаграмме показано распределение ответов респондентов в процентном отношении в зависимости от выбранной иллюстрации. Каждая из картинок описывает взаимоотношения респондента с религией и отражает степень погружённости в религию. Они расположены в порядке увеличения уровня вовлечённости в православие.

Средний балл респондентов по методике слияния идентичности с религией – 3,77 балла из 5. Наименее востребованным вариантом ответа оказалась первая иллюстрация, и ее выбрали 7,5 % респондентов от всей выборки. Эта картинка отражает обособленность человека от религии.

Вторая иллюстрация уже указывает на некоторую сформированность религиозности, и она затрагивает небольшую часть от «Я»-идентичности человека. 7,5 % от общего числа респондентов выбрали этот вариант ответа.

Третья картинка отражает то состояние религиозной идентичности, когда личность человека уже в значительной степени руководствуется религией как жизненным ориентиром. Такой вариант ответа выбрали почти 20% респондентов

Четвертая иллюстрация демонстрирует нам сильное погружение в религию, когда большую часть своих личных убеждений человек формирует с опорой на правила своей религии. Такой ответ выбрали 30,8% респондентов от общей выборки. Это 41 человек из 133.

Пятая картинка показывает нам полное погружение в религию и слияние личной идентичности с религиозной. И данный ответ оказался самым популярным у респондентов, 34,6% которых остановились на нем.

Таблица 4. / Table 4

Индекс слияния с религией: мусульмане

Religious Fusion Index: the Muslims

	Частота	Проценты
1	1	1,6
2	5	8,2
3	10	16,4
4	11	18,0
5	34	55,7
Всего	61	100,0

Рассмотрим результаты по шкале слияния идентичности с религией в виде столбчатой диаграммы:

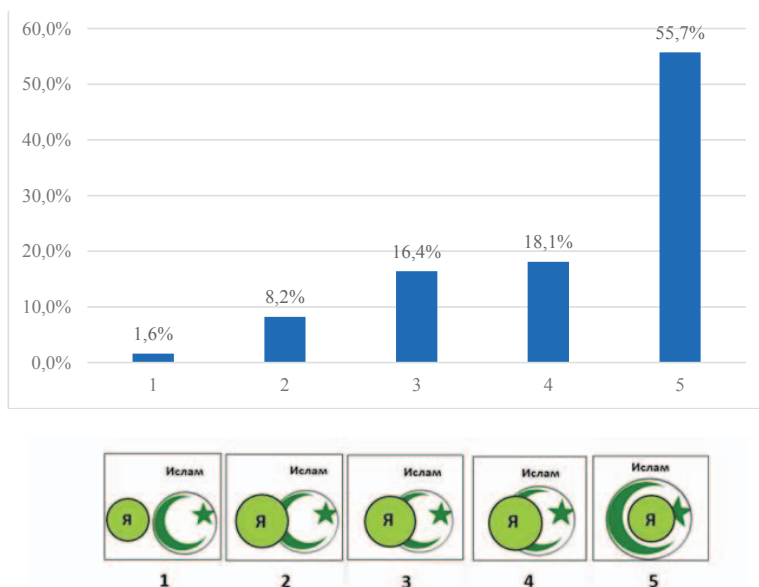

Рис. 7. Индекс слияния с религией: мусульмане

Fig. 7. Religious Fusion Index: the Muslims

На диаграмме показано распределение ответов респондентов в процентном соотношении в зависимости от выбранной иллюстрации. Каждая из картинок описывает взаимоотношения респондента с религией и отражает степень погружённости в религию. Они расположены в порядке увеличения уровня вовлечённости в ислам.

Средний балл респондентов по методике слияния идентичности с религией – 4,18 балла из 5. Наименее востребованным вариантом ответа оказалась первая иллюстрация, и ее выбрали 1,6 % респондентов от всей выборки. Эта картинка отражает обособленность человека от религии.

Вторая иллюстрация уже указывает на некоторую сформированность религиозности, и она затрагивает небольшую часть от «Я» – идентичности человека. 8,2 % от общего числа респондентов выбрали этот вариант ответа.

Третья картинка отражает то состояние религиозной идентичности, когда личность человека уже в значительной степени руководствуется религией как жизненным ориентиром. Такой вариант ответа выбрали 16,4% респондентов

Четвертая иллюстрация демонстрирует нам сильное погружение в религию, когда большую часть своих личных убеждений человек формирует, опираясь на правила своей религии. Такой ответ выбрали 18,1% респондентов от общей выборки. Это 11 человек из 61.

Пятая картинка показывает нам полное погружение в религию и слияние личной идентичности с религиозной. И данный ответ оказался самым популярным у респондентов, больше половины (55,7%) которых остановились на нем.

Корреляционный анализ

В таблицах ниже представлены результаты корреляционного анализа – взаимосвязь показателей психологического благополучия и показателей надежды у мусульман.

В таблице представлены значения коэффициента корреляции Спирмена. Те значения, которые являются статистически значимыми, отмечены звездочками. ** – Корреляция значима на уровне 0,01; * – Корреляция значима на уровне 0,05.

Таблица 5. / Table 5

Результаты корреляционного анализа (мусульмане) Results of correlation analysis (the Muslims)

мусульмане	Сила воли	Способность находить пути	Шкала диспозиционной надежды	Индекс слияния с религией
Позитивные отношения	-0,446**	-0,286*	-0,436**	0,438**
Автономия	-0,186	-0,285*	-0,260*	0,129
Управление средой	-0,525**	-0,504**	-0,578**	0,386**
Личностный рост	-0,376**	-0,425**	-0,485**	0,099
Цели в жизни	-0,487**	-0,374**	-0,495**	0,216
Самопринятие	-0,500**	-0,348**	-0,477**	0,225
Психологическое благополучие	-0,582**	-0,475**	-0,608**	0,365**
Баланс аффекта	0,506**	0,421**	0,525**	-0,410**
Осмысленность жизни	-0,628**	-0,451**	-0,624**	0,168
Человек как открытая система	-0,432**	-0,423**	-0,518**	0,249
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).				
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).				

Результаты корреляционного анализа для мусульман выявили статистически значимые связи между показателями психологического благополучия и показателями надежды.

Сила воли (у мусульман) демонстрирует статистически значимые отрицательные связи с позитивными отношениями ($r = -0,446$), управлением средой ($r = -0,525$), личностным ростом ($r = -0,376$), целями в жизни ($r = -0,487$), самопринятием ($r = -0,500$), психологическим благополучием ($r = -0,582$), осмысленностью жизни ($r =$

-0,628) и восприятием человека как открытой системы ($r = -0,432$). Также наблюдается значимая положительная связь с балансом аффекта ($r = 0,506$). Эти данные свидетельствуют о том, что чем выше сила воли у мусульман, тем ниже показатели психологического благополучия и его компонентов, но тем выше баланс аффекта.

Способность находить пути (у мусульман) демонстрируют статистически значимые отрицательные связи с позитивными отношениями ($r = -0,286$), автономией ($r = -0,285$), управлением средой ($r = -0,504$), личностным ростом ($r = -0,425$), целями в жизни ($r = -0,374$), самопринятием ($r = -0,348$), психологическим благополучием ($r = -0,475$), осмысленностью жизни ($r = -0,451$) и восприятием человека как открытой системы ($r = -0,423$). Также наблюдается значимая положительная связь с балансом аффекта ($r = 0,421$). Эти данные свидетельствуют о том, что чем выше способность мусульман находить пути, тем ниже показатели психологического благополучия и его компонентов, но тем выше баланс аффекта.

Шкала диспозиционной надежды (у мусульман) демонстрирует статистически значимые отрицательные связи с позитивными отношениями ($r = -0,436$), автономией ($r = -0,260$), управлением средой ($r = -0,578$), личностным ростом ($r = -0,485$), целями в жизни ($r = -0,495$), самопринятием ($r = -0,477$), психологическим благополучием ($r = -0,608$), осмысленностью жизни ($r = -0,624$) и восприятием человека как открытой системы ($r = -0,518$). Также наблюдается значимая положительная связь с балансом аффекта ($r = 0,525$). Эти данные свидетельствуют о том, что чем выше общий показатель диспозиционной надежды у мусульман, тем ниже показатели психологического благополучия и его компонентов, но тем выше баланс аффекта.

Индекс слияния с религией (у мусульман) демонстрирует статистически значимые положительные связи с позитивными отношениями ($r = 0,438$), управлением средой ($r = 0,386$) и психологическим благополучием ($r = 0,365$), а также отрицательную связь с балансом аффекта ($r = -0,410$). Эти данные свидетельствуют о том, что чем выше степень слияния с религией у мусульман, тем выше показатели позитивных отношений, управления средой и общего психологического благополучия, но тем ниже баланс аффекта.

Дискуссия

Исследование направлено на изучение роли надежды как психологического ресурса благополучия в различных мировоззренческих группах: православных, мусульман и атеистов. Особый интерес представлял анализ культурно-специфических механизмов взаимосвязи между надеждой, психологическим благополучием и религиозной идентичностью.

Полученные данные говорят о наличии значимых различий как в уровне выраженности надежды и компонентов психологического благополучия, так и в характере их взаимосвязей в зависимости от вероисповедания респондентов.

Результаты описательной статистики показали, что наибольшие значения диспозиционной надежды были зафиксированы в группе православных, несколько ниже – у атеистов, а минимальные – у мусульман. При этом различия проявляются как по шкале «сила воли», так и по шкале «способность находить пути».

Данный результат может быть интерпретирован через специфику культурных моделей субъектности и агентности. В православной традиции особый акцент делается на личной ответственности, свободе воли и активном соработничестве человека с Богом (синергии), что может способствовать формированию более выраженного субъективного переживания контроля над жизненными обстоятельствами. В атеистической выборке агентность формируется преимущественно за счет внутренних когнитивных и личностных ресурсов, что также способствует поддержанию относительно высокого уровня диспозиционной надежды.

В исламской традиции важным механизмом психологической регуляции выступают упование на Божественную волю (таваккуль) и принятие предопределённости жизненных событий (кадар). В рамках такой системы ценностей чрезмерная опора на личный контроль и автономию может восприниматься как недостаток доверия Божественному замыслу, что способствует смещению субъективного локуса контроля во внешний, трансцендентный контекст. Подобная установка может усиливаться и культурными особенностями многих обществ, исповедующих ислам, где преобладают коллективистские ценности.

Как отмечают О. А. Гулевич и И. Р. Сариева, для коллективистских культур характерно восприятие личности через призму взаимозависимости с другими людьми. В объяснении поведения большее значение придаётся ситуации и социальному контексту, коммуникация часто носит непрямой характер, ценится согласие и сохранение гармонии в отношениях. В конфликтных ситуациях чаще выбираются уступки или избегание прямого противостояния, тогда как в малых группах наблюдается высокая степень сотрудничества и взаимной поддержки. Такой культурный контекст укрепляет ориентацию на взаимосвязанность людей и принятие внешних обстоятельств как значимого регулятора поведения [14]. Это, в свою очередь, может объяснять относительно более низкие показатели диспозиционной надежды.

Анализ шкалы психологического благополучия К. Рифф показал, что наивысшие показатели практически по всем параметрам демонстрируют мусульмане. Особенно выражены различия по шкалам «осмысленность жизни», «личностный рост», «цели в жизни», «управление средой» и общему показателю психологического благополучия.

Данные результаты подтверждают предположение о том, что исламская религиозная идентичность формирует целостную экзистенциальную систему, обеспечивающую устойчивое переживание смысла, направленности жизненного пути и психологической стабильности. Религия в данном случае выступает ресурсным источником для

верующего человека, поскольку у него имеются четкие ценностные ориентиры, моральные нормы и жизненные цели [5].

Аналогичные результаты о религиозном ресурсе психологического здоровья были получены еще в ряде исследований.

В исследовании Р.А. Мизаева [15], направленном на изучение взаимосвязи копинг-стратегий, уровня стресса и религиозной ориентации у молодых людей в России, выявлено, что активные стратегии совладания способствуют снижению уровня стресса, тогда как избегающее поведение связано с его повышением. Установлено также, что внутренняя религиозная ориентация и позитивный религиозный копинг ассоциированы с выбором активных стратегий, а внешняя религиозность и негативное религиозное совладание – с пассивными и избегающими формами поведения. Автор показал, что религиозный копинг является одним из наиболее часто используемых способов совладания со стрессом у молодежи.

В исследовании Н.Г. Бариновой [16] религиозность рассматривается как значимый ресурс субъективного благополучия русскоязычных женщин, состоящих в межнациональных браках с гражданами Объединенных Арабских Эмиратов. Автор показала, что религиозные убеждения помогают им справиться с семейными и культурными трудностями и адаптироваться к новой социокультурной среде. Н.Г. Баринова делает вывод, что религиозность способствует психологической поддержке, успешной адаптации и повышению удовлетворенности семейной жизнью.

В работе Ю.Ю. Джуад [17] рассматривается соотношение форм религиозности и уровня психологической устойчивости у мусульман, проживающих в крупных городах России. Автор различает два типа религиозной ориентации: внутреннюю, основанную на личностном принятии веры и ее осознанном проживании, и внешнюю, которая преимущественно характеризуется следованием социальным ожиданиям и нормам.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что именно внутренняя религиозность связана с более выраженными показателями психологического благополучия: эмоциональной стабильностью, ощущением внутреннего спокойствия и высоким уровнем жизненной энергии. Внешняя религиозность, напротив, практически не обнаруживает положительных связей с устойчивостью, за исключением слабой отрицательной корреляции с эмоциональной стабильностью. Иначе говоря, когда вера становится не просто формальным соблюдением традиций, а внутренне принятой и лично переживаемой ценностью, она помогает человеку сохранять эмоциональное равновесие и устойчивость в напряженных условиях жизни большого города [17].

Результаты анализа связи религиозности и психического здоровья у афганских беженцев показали, что переживание дискриминации напрямую связано с ухудшением психологического состояния: чем сильнее ощущается несправедливое отношение, тем выше уровень стресса и эмоционального напряжения.

При этом выяснилось, что высокая религиозность ослабляет эту негативную связь, тогда как при низком уровне религиозности она, наоборот, усиливается. Это по-

зволяет сделать вывод, что религиозная вера может служить важным психологическим ресурсом, поскольку помогает беженцам смягчать последствия дискриминации и поддерживать психологическое благополучие [18].

В исследовании О.С. Павловой рассматривается, как мусульмане понимают психологическое здоровье и благополучие, а также какие условия для достижения счастья выделяются в трудах средневековых и современных мусульманских мыслителей. Особое внимание уделяется понятию «ахляк» – нравственности и добродетельному поведению как основе гармоничной жизни.

Подчеркивается, что в исламской традиции представление о счастье тесно связано с религиозными ценностями и ориентированностью на общество. Личное благополучие не рассматривается отдельно от пользы для других, поскольку человек достигает гармонии через нравственное развитие и формирование устойчивых моральных качеств [19].

Также отмечается, что современные психологические и психотерапевтические подходы все чаще обращаются к вопросам ценностей и морали, признавая их важную роль в поддержании психического здоровья. Поэтому при работе с мусульманскими клиентами важно учитывать их религиозно-нравственные убеждения. Это позволяет глубже понять их мотивацию и переживания и делает консультирование более результативным за счет уважения к культурным и религиозным особенностям клиента [19].

В атеистической группе наибольшие значения зафиксированы по шкале автономии, что отражает ориентацию на индивидуальную свободу, независимость и самодетерминацию. Однако при этом относительно более низкие показатели осмысленности жизни и целей могут указывать на экзистенциальные трудности, характерные для секулярного мировоззрения в условиях неопределенности и отсутствия трансцендентных смысловых опор.

Православные респонденты демонстрируют наиболее высокий показатель баланса аффекта. Данный результат может быть связан со спецификой религиозных практик: участие в таинстве покаяния способствует снижению эмоционального напряжения, а включенность в литургическую жизнь, в жизнь церковной общины может оказывать стабилизирующее влияние на аффективную сферу личности.

Корреляционный анализ у мусульман показал, что степень слияния идентичности с религией положительно связана с позитивными отношениями, управлением средой и общим психологическим благополучием. Эти данные подтверждают, что именно религиозная идентичность выступает ключевым психологическим ресурсом благополучия мусульман, обеспечивая экзистенциальную устойчивость, социальную включенность и внутреннюю согласованность личности.

Кроме того, высокий уровень религиозной идентичности способствует снижению эмоциональной нестабильности, что отражается в отрицательной связи индекса слияния с балансом аффекта. Это может указывать на стабилизирующую функцию религиозного мировоззрения, уменьшающего выраженность аффективных колебаний.

Наиболее значимым и теоретически ценным результатом исследования является обнаружение устойчивых отрицательных корреляций между показателями надежды и большинством компонентов психологического благополучия в группе мусульман.

Эти результаты можно интерпретировать через культурно обусловленное понимание агентности. С одной стороны, рост показателей силы воли, способности находить пути достижения целей и общей диспозиционной надежды сопровождается снижением осмысленности жизни, самопринятия, управления средой, личностного роста и общего уровня психологического благополучия. С другой стороны, в исламской религиозной картине мира жизненный путь регулируется не столько индивидуальным контролем, сколько доверием Божественному предопределению. В этом контексте чрезмерный акцент на личной агентности может вступать в конфликт с религиозно предписанной установкой на упование на Бога. Вместе с тем религиозная традиция не исключает активных человеческих усилий, а, напротив, поощряет предпринимать все возможные действия для достижения благих целей, сочетая личную ответственность с доверием к Божественной воле.

В этой системе координат усиление субъективной агентности может отражать не ресурсность, а состояние экзистенциального напряжения, связанного с ослаблением упования на Аллаха.

Следовательно, рост когнитивной надежды в мусульманской выборке может указывать на внутренний конфликт между стремлением к личному контролю и религиозной установкой на смирение и принятие. Подобное рассогласование может сопровождаться снижением экзистенциального благополучия даже при увеличении поведенческой активности и волевой мобилизации.

Дополнительным подтверждением данной интерпретации является положительная корреляция надежды с балансом аффекта, указывающая на усиление эмоциональной динамики и напряженности при росте индивидуальной агентности.

Полученные данные позволяют выделить две принципиально различные психологические модели функционирования надежды. В рамках западной индивидуалистической парадигмы, представленной в теории Ч. Снайдера, надежда выступает как когнитивно-волевой ресурс, способствующий росту психологического благополучия за счёт усиления субъектности, автономии и стратегического мышления. В исламской религиозной традиции складывается иная модель психологического благополучия. Его основой выступает не личный контроль над обстоятельствами, а доверие Богу, принятие происходящего как части Божественного замысла и глубокая интеграция религиозной идентичности в структуру личности. В рамках такой системы усиление индивидуальной самостоятельности и стремления полностью контролировать свою жизнь может переживаться как внутреннее напряжение, поскольку вступает в противоречие с установкой на упование и смирение перед волей Всевышнего. Это, в свою

очередь, может сопровождаться ростом экзистенциальной тревожности и снижением субъективного ощущения благополучия.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость учета культурно-религиозного контекста при интерпретации психологических конструктов, что подчеркивает ограниченность универсалистских моделей надежды.

Ограничения исследования и выводы

Проведенное исследование показывает, что надежда не является универсальным и одинаково устроенным явлением, поскольку ее содержание и функции зависят от культурного и мировоззренческого контекста.

Полученные результаты подтверждают, что религиозность выступает значимым психологическим фактором, влияющим на переживание смысла жизни, эмоциональную устойчивость и субъективное благополучие личности. Религиозная идентичность связана с более устойчивым эмоциональным состоянием и снижением аффективной нестабильности, что указывает на ее стабилизирующий фактор. В религиозных группах мировоззрение верующих дает им психологическую опору, способствуя переживанию жизненной осмысленности и внутренней согласованности.

В мусульманской группе выявлена сложная динамика взаимосвязей: повышение когнитивной надежды сопровождается признаками внутреннего напряжения между установками на личный контроль и религиозным идеалом смирения и принятия. Это может указывать на специфику экзистенциальной регуляции в контексте религиозных норм и ожиданий.

В группе нерелигиозных респондентов более высокие показатели автономии отражают ориентацию на самостоятельность и самодетерминацию, характерную для секулярного мировоззрения [20]. Вместе с тем сравнительно более низкие показатели осмысленности жизни и целеполагания могут говорить о специфике наличия смысла жизни в условиях отсутствия трансцендентных мировоззренческих оснований.

Таким образом, религиозность можно рассматривать как значимый ресурс психологического благополучия, поскольку она помогает человеку выстраивать жизненные смыслы, сохранять эмоциональную устойчивость и легче справляться со стрессом. В более секулярном контексте такие задачи, как поиск смысла, целостное понимание своей жизни и внутреннее согласование переживаний, в большей степени ложатся на самого человека.

Одним из ограничений исследования является неравномерность выборки. Число участников, идентифицирующих себя как мусульмане (61 человек), оказалось существенно меньше числа православных респондентов (133 человека), разница составила 72 человека. Такая диспропорция могла повлиять на статистическую устойчивость межгрупповых сравнений и ограничить возможности обобщения полученных результатов. В дальнейшем представляется целесообразным формирование более сбалансированных выборок для повышения точности сравнительного анализа.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение выборки и включение различных культурных и возрастных групп, исследование влияния конкретных религиозных практик и общинной вовлеченности на психологическую устойчивость, углубленный анализ экзистенциальных аспектов благополучия в религиозном и секулярном контекстах.

Литература

1. Seligman M.E.P. *Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life*. New York: Vintage Books; 2006. 322 p.
2. Cheavens J.S., Feldman D.B., Gum A., et al. Hope therapy in a community sample: A pilot investigation. *Social Indicators Research*. 2006;77(1):61–78.
3. Мэй Р. *Смысл тревоги*. Завалов М.И., Сибурина А.И. (пер. с англ.). М.: Независимая фирма «Класс»; 2001. 384 с.
4. Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М.: Прогресс; 1994. 480 с.
5. *Positive Psychology Practices in Muslim Communities: A Systematic Review*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12449359/> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Али-заде А. *Исламский энциклопедический словарь*. М.: Ансар; 2007. 728 с.
7. *Коран. Смысловой перевод*. Крачковский И. Ю. (пер.). М.: Эксмо; 2024. 482 с.
8. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета* (Синодальный перевод). М.: Сретенский монастырь; 2022. 1536 с.
9. Софроний (Сахаров), схиархимандрит. *Преподобный Силуан Афонский*. 3-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; 2011. 528 с.
10. *Religiosity and Mental Well-being Among Members of Majority and Minority Religions: Findings From Understanding Society: the UK Household Longitudinal Study*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8751808/> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Муздыбаев К. Измерение надежды. *Психологический Журнал*. 1999;(3):18–27.
12. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности. *Психологическая диагностика*. 2005;(3):95–121.
13. Gomez A., Seyle D.C., Huici C., Swann W.B. Jr. Can self-verification strivings fully transcend the self–other barrier? Seeking verification of ingroup identities. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009;97(6):1021–1044.
14. Гулевич О.А., Сариева И.Р. *Социальная психология: учебник и практикум для вузов*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт; 2024. 424 с.
15. Мизаев Р.А. Религиозность как фактор эмоционального благополучия российской молодежи (на примере православных и мусульман). *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(3):726–748. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748.

16. Баринаева Н.Г. Религиозность как фактор субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(2):480–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498.
17. Джуад Ю.Ю. Связь религиозности и психологической устойчивости у мусульман, проживающих в российских мегаполисах. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):203–231. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-203-231.
18. Заремба-Пайк С.С., Лепшокова З.Х. Воспринимаемая дискриминация, религиозность и психическое здоровье афганских беженцев в России. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):175–200. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200.
19. Павлова О.С. Исламская концепция счастья: психологический анализ. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):923–950. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-923-950.
20. Павлова О.С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников. *Современная зарубежная психология*. 2018;7(4):46–55. DOI: 10.17759/jmfp.2018070406.
21. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.

References

1. Seligman M.E.P. *Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life*. New York: Vintage Books; 2006. 322 p.
2. Cheavens J.S., Feldman D.B., Gum A., Michael S.T., Snyder C.R. Hope therapy in a community sample: A pilot investigation. *Social Indicators Research*. 2006;77(1):61–78.
3. Mei R. *Smysl trevogi* [The Meaning of Anxiety]. Zavalov M.I., Siburina A.I. (tr. from English). Moscow: Nezavisimaya firma “Klass” Publ.; 2001. 384 p. (In Russian)
4. Rodzhers K. *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A Look at Psychotherapy. Becoming a Person]. Moscow: Progress Press; 1994. 480 p. (In Russian)
5. *Positive Psychology Practices in Muslim Communities: A Systematic Review* [Electronic resource]. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12449359/> (Accessed: 20.02.2026).
6. Ali-zade A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ansar Press; 2007. 728 p. (In Russian)
7. *Koran. Smyslovoy perevod* [Quran. Semantic Translation]. Krachkovskii I.Yu. (tr.). Moscow: Eksmo Press; 2024. 482 p. (In Russian)
8. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta (Sinodal'nyi perevod)* [The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and the New Testament (Synodal Translation)]. Moscow: Sretenskiy monastyr' Publ.; 2022. 1536 p. (In Russian)
9. Sofronii (Sakharov), skhiarkhimandrit. *Prepodobnyy Siluan Afonskiy* [Venerable Silouan the Athonite]. 3rd ed. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra; 2011. 528 p. (In Russian)

10. *Religiosity and Mental Well-being Among Members of Majority and Minority Religions: Findings From Understanding Society: the UK Household Longitudinal Study*. [Electronic resource]. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8751808/> (Accessed: 20.02.2026).

11. Muzdybaev K. Izmerenie nadezhdy [Measurement of Hope]. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological Journal]. 1999;(3):18–27. (In Russian)

12. Shevelenkova T.D., Fesenko T.P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological Well-Being of Personality]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2005;(3):95–121. (In Russian)

13. Gomez A., Seyle D.C., Huici C., Swann W.B. Jr. Can self-verification strivings fully transcend the self-other barrier? Seeking verification of ingroup identities. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009;97(6):1021–1044.

14. Gulevich O.A., Sarieva I.R. *Sotsial'naya psikhologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Social Psychology: Textbook and Practical Course for Universities]. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Press; 2024. 424 p. (In Russian)

15. Mizaev R.A. Religioznost' kak faktor emotsional'nogo blagopoluchiya rossiiskoi molodezhi (na primere pravoslavnykh i musul'man) [Religiosity as a Factor of Emotional Well-Being of Russian Youth (A Case Study of Orthodox Christians and Muslims)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(3):726–748. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748. (In Russian)

16. Barinova N.G. Religioznost' kak faktor sub"ektivnogo blagopoluchiya rossiiskikh zhenshchin v mezhkul'turnykh brakakh s grazhdanami OAE [Religiosity as a Factor of Subjective Well-Being of Russian Women in Intercultural Marriages with UAE Citizens]. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(2):480–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498. (In Russian)

17. Dzhuad Yu.Yu. Svyaz' religioznosti i psikhologicheskoi ustoichivosti u musul'man, prozhivayushchikh v rossiiskikh megapoliskakh [The Relationship Between Religiosity and Psychological Resilience Among Muslims Living in Russian Megacities]. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):203–231. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-203-231. (In Russian)

18. Zarembo-Paik S.S., Lepshokova Z.Kh. Vosprinimayemaya diskriminatsiya, religioznost' i psikhicheskoye zdorov'ye afganskikh bezhentsev v Rossii [Perceived Discrimination, Religiosity and Mental Health of Afghan Refugees in Russia]. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):175–200. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200. (In Russian)

19. Pavlova O.S. Islamskaya kontseptsiya schast'ya: psikhologicheskii analiz [The Islamic Concept of Happiness: A Psychological Analysis]. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):923–950. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-923-950. (In Russian)

20. Pavlova O.S. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie musul'man: analiz zarubezhnykh istochnikov [Psychological Counseling of Muslims: An Analysis of Foreign Sources]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2018;7(4):46–55. DOI: 10.17759/jmfp.2018070406. (In Russian)

V.E. Ivenkov

Hope as a Resource for Psychological Well-Being: A Comparative Study of Hope...

Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1): 224-248

21. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.

Информация об авторе

Ивенков Вадим Эдуардович, студент 2 курса магистерской программы «Практическая этнопсихология» Московского государственного психолого-педагогического университета, факультет «Социальная психология», г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Vadim E. Ivenkov, 2nd year student of the Master's degree program «Practical Ethnopsychology», Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 января 2026
Одобрена рецензентами: 06 февраля 2026
Принята к публикации: 25 февраля 2026

Article info

Received: January 17, 2026
Reviewed: February 06, 2026
Accepted: February 25, 2026